

ЕКАТЕРИНА БЛЫНСКАЯ

ВРЕМЯ ЛАСТОЧЕК

МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б68

Редактор серии *П. Корицкая*

Художественное оформление серии *Я. Клыга*

Блынская, Екатерина Николаевна.

Б68 **Время ласточек : роман / Екатерина Блынская. —**
Москва : Эксмо, 2025. — 384 с.

ISBN 978-5-04-210945-4

Конец XX века. Умирающая деревня на сломе веков.

Глеб и Лиза кажутся настоящими Ромео и Джульеттой. Трогательная юношеская любовь, лишенная пошлости, становится частью южнорусских пейзажей. Они — истинные маленькие хозяева леса, реки, полей...

Между семьями Глеба и Лизы нет вражды, но не может быть и мира. Они слишком разные — как две эпохи, два мира, две далекие звезды.

Любовь, венчающая столетие, не замечает разрухи. Но что может одна хрупкая девочка противопоставить разрушительному колесу истории?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-210945-4

© Блынская Е.Н., текст, 2025
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2025

Ночная темнота тут особенная. В ней не бывает беззвучия. Разрываются мелкие сверчки-кузнечики в траве, словно играют пьяную музыку. Далеко лает лиса. Как потерявшийся ребенок, сова подает голос, и он жуток. Стрекотание летучих мышей порой забавляет, пока эта мышь на полном лету не вцепляется в волосы.

Уже тишина. Собаки лают разреженно и без энтузиазма. Не в каждом доме держат сторожей: самим на еду не хватает... Людей осталось — раз-два и обчелся.

Адольф и Дроныч тащат камень. И это не просто камень: это могильная плита с заброшенной части кладбища. Куда они тащат его? Чтобы положить на дорогу. Зачем? Чтобы машины не подъезжали к дому Адольфа и не растаскивали лужу. Могильная плита ложится на траву, гудящую сверчками. Адольф и Дроныч пошли за второй, лужа огромная...

На обратном пути, перекуривая, Адольф и Дроныч садятся на вторую плиту. От усталости их (они ведь уже старые) плита тяжелее первой.

Небо припухло белыми ночными облаками, к утру замолаживает*, и хорошо. Адольф грибник, будет по лесу с утра до ночи рыскать.

Поговорив с Дронычем о дожде, он оборачивается на три могилы, где по-простецки уложена вся его бывшая

семья. Крайняя, пасынка Глеба, без таблички. Его зарыли десять лет назад, и табличка не нужна была.

Средняя могила — жены Аделины. Там краской в том году он правил буквы, еще разберешь дурацкое ее имя. Дальняя... Яськи. Двадцати двух лет умер от того же, отчего и Аделина. Туберкулез. Яська успел жениться и сына родить, но Адольф никогда его не видел. Он плохой дед. Яськина вдова, уже вторично, вышла замуж.

На Яськиной могиле еще жив венок с надписью: «Дорогому Ярославу от коллег и друзей». Сотрут эти надписи, и останутся все три могилы безымянными.

Дроныч тоже похоронил сына, Солдата, — умер прошлой весной. Вон его могилка, и крест, и надпись на ней есть, мать постаралась. А чуть подальше лежит Лелька с родителями, и Макс, и Мулькина мамка, и много кого еще. В основном молодых, не переживших начало нового века. Унесших с собой свою молодость, страсть и отчаяние.

После отдыха плита тяжела, но дотащить ее надо. Лужа огромна.

* * *

Раньше в Антонове было море молодежи.

Клуб с самой войны, как она прошла, никогда не закрывался. Но годы шли. Двадцать лет назад, в начале двухтысячных, работал завклубом один странный человек — Колдун, которого антоновцы ужасно не любили и боялись. Мелкие, что лет с десяти уже отчаянно желали приобщиться к самогону и самокруткам, в клуб залезали через окна. Потому что Колдун бдительно наблюдал в дверях и, видя на порошке мелюзгу, расшвыривал ее по кустам, как щенят, прихватывая за шивороты.

Причем Колдун любил именно кидануть в окно, что было особым шиком для тех, кто приземлялся в крапивные заросли, — если окно было открыто. Ну а если закрыто, случались и трагедии.

Взрослыми считались девчонки от четырнадцати и парни от пятнадцати. Они приносили с собой лампочку, *мафон** и кассеты. И в свете слабых сорокаваттных лампочек топтались под музлу из «Калинова моста» или «Брата»¹. Вы знаете: «А там огромное не-е-бо-о... что видит он в пустоте-е-е...»² Потоптавшись на танцах, пары и компании уходили гулять по селу до старинного шлюза под названием БАМ. Кто-то хоронился в предбаннике заброшенного фельдшерского пункта, кто-то сидел на лавочках, прибитых к тополям, от дороги к клубу образующим тенистую аллею.

Но тополя — худые друзья, особенно к старости. Облетели и отпали хрупкие ветки и сучки: к двадцатым годам нового века не осталось этих великанов, слышавших многое, о чем можно говорить лишь однажды в жизни — в самую яростную, весеннюю пору, — говорить тому, которому можно сказать такое, отчего в дальнейшие годы можно только либо краснеть, либо плакать.

Обнимались эти молодые селяне или о чем-то тихо перебалтывались, временами громко смеясь. С пустоши, позади клуба, где еще недавно белели уцелевшие от девяностых колхозные постройки, раздавался свист. Ребятишки собирались в стаю, чтобы сыграть в карты или побренчать на гитаре.

¹ «Брат» (1997 г.) — х/ф режиссера и автора сценария Алексея Балабанова.

² Фрагмент песни «Летучий фрегат». Автор текста и музыки Вячеслав Бутусов.

Если из села уходит жизнь, первым закрывают клуб — сразу понятно, что дальше только тишина и развал. От тех тополей, где были прибиты лавочки, остаются одни пни.

Никто уже не ходит шумными толпами в клуб. Не сидит на порошке, схватившись за хмельную голову. Не свистит из кустов, сзывая банду курнуть или хлебнуть самогона. Не стоит на ступенях грозный Колдун.

Не прячутся в заброшенной кинобудке влюбленные ребяташки. Не заваливают друг друга на бильярдный стол за старой сценой, годами не знавшей никакой художественной самодеятельности. Не подкатывают к клубу на *мотоках** распальцованные райцентровские пацаны, увозящие невест у местных ребят.

Уже не вспомнить, как после гулянки эти мальчишки шли по росе с отцами — стоговать и копнить, косить отаву*¹ и возить навоз, смолить лодки и кидать сети, колоть поросей и резать птицу, вертать и гортать* до позднего вечера. Девки торчали на огородах: сажая, выпалывая, окучивая, обирая ягоду. Варили варенье, колупали косточки, крошили груши и яблоки, лупили подсолнухи, тягали загорелые морды тыкв и рубили сечками* для вечно голодной скотины перезревшие кабачки... Чтобы вечером матери отпустили их «по делам».

А прошло-то всего лет шестнадцать, как в клубе в последний раз топтались под домашний «мафон». Кто-то за это время родился, и стал юным, и вошел в свое время — но уже другое и не наше.

Сейчас в клубе только голосуют. Для этого здание поддерживают: белят, красят. Кинобудку же забили досками, бильярдный стол и все развороченные кресла повыбрасывали. Остались только на обитых краях деревян-

¹ Слова со зн.* см. в словаре в конце книги.

ной сцены вырезанные перочинными ножами надписи ушедшего века: «Дионис, какого хрена ты?», «у Колхиды пьяная рожа», «Макс и Степан дебилы, а Саша и Оля хорошие девочки», «Я Черный Плащ», «Глеб плюс Лизка равно сердечко», «Не друг ты мне»...

Теперь ребята посещают только куст возле леса. Там сделали шалаш и скамейку для ловли 4G, а больше нигде в Антонове сеть и не ловит. Это дает некоторую надежду, но в шалаше все равно никто не знакомится: все поглощены интернетом. Даже если парень с девушкой сидят рядом, не факт, что они заинтересуются, кто есть кто да к кому приехал. И уж конечно, не спросят: а ты чьих будешь?

Остались одни дачники. Они приезжают уже не к бабушкам, а сами к себе. Такие вот дела в деревне, мир ее праху.

Да... Еще кое-что — об Антонове... Есть у оставшихся местных такая интересная традиция, которая пока не умерла.

Перед свадьбой парень с девкой едут на плотину и идут к водозаборной яме. Яма эта — огромная, глубокая, страшная, а на дне, как свернутые куски велосипедных покрышек, лежат змеи. Парень говорит:

— Будешь, милая, гулять — скину, к едреням, в эту яму, никто и не узнает, а там тебя съедят саранча и лягушки.

— Ну и ты гляди, — отвечает суженая. — Будешь, милый, гулять — сам сюда придешь и скинешься.

На том они решают делать свадьбу. А яма эта как бы маячит каждому издалека... Да смысл-то в том, что во время семейного пути обязательно один куда-то сбрасывает другого. Либо сам сбрасывается... Третьего не дано, а образ пустой бетонной ямы с пресмыкающимися как будто никого и не пугает.

А плотина блещет себе лунными осколочками. Отпускает яма из бетонированной пасти вверх облака, рожденные из ее зеленоватых луж. Луна золотит рябь и до самого дна доходит ветерок, толкающий мелкую водицу.

Нежное сентябрьское солнце встает из густой дымовухи подожженной овсяной стерни. Яма видит пласты серого смога, на солнце ложится рваная, грустная тень. Дзобают* по поспевшим в садах яблокам загнутыми, первобытными клювами вороны. Выходит на пахоту старая бабка с сапачкой* и колотит мертвые глины, чтобы сделать их живыми. Ох и колотит она их!

Ветер дует с кладбища. Пожалуй, накажут за вандализм и Адольфа, и Дроныча, если докажут, что плиты своровали они.

Глава первая

ПИСАНЫЙ–НЕПИСАНЫЙ ВОРОВСКОЙ ЗАКОН¹

Весна 1999

Дверь, разбухшая от дождя и влаги, плохо поддавалась мерным ударам плеча Григорьяча. Он выносил ее, умело распределяя свой недюжинный вес, пугая грохотом Нину Васильевну и Лизу. Казалось, этот неожиданно приобретенный дом не очень-то хочет впускать новых хозяев.

— Бабы! Побежали бы, нашли кого-нить подсобить мне, высадить эту дверь бессовестную... — бубнил Григорьяч и снова бился с дубовыми досками.

— Сам справишься! Сам, бессовестный! Надо было сначала с дверью разобраться, а потом нас перевозить в дождь! — сердилась Нина Васильевна и поправляла дорогие очки Prada на остром носу. Очки ей достались в наследство от старшей дочери Ленуси.

— Да иди, сядь в машину и сиди! Разговорчивая какая! — крихтя, отвечал Григорьяч.

— А Лизка?

— Лизка! Не сахарная, не растает.

Волосы Лизы намокли и завились от дождя, но она не уходила, стояла среди двора и улыбалась отсутствующей улыбкой: словно что воля, что неволя — все одно. Толь-

¹ Фрагмент песни группы «Лесоповал» «Воровской закон», автор слов Михаил Танич.

ко Майк, персидский столичный кот, полностью черный, но по спине выгоревший в соболя, раздирал Лизино плечо, доставая коготками через плотную адидасовскую мастерку* до кожи.

Лиза грустила, что ее увезли в незнакомое место со старой дачи, где было по-родному тепло, где ее всегда ждали друзья, мелкий сосед Мясушко, бабульки с теплым молоком в жестяных кружках и маковыми булками. Будто детство оборвали.

— Вот деятели! — ворчал Григорьич, налегая на зло-счастное полотно хорошо сбитых дубовых плах. — Это ж надо так было сделать! На века! Вот, блин, дед Кожушок!

— Никандрьч! — поправила его Нина Васильевна, протирая забрызганные стекла очков о край велюрового серого балахона. — Его звали Василий Никандрьч. Сказали, что «приехал второй Никандрьч, дюже похож». Этот наш Вертолетчик, который дом продавал, наверное, после старика и дверь не поменял. Зачем... Тут скорее дом упадет, а она стоять будет.

— Хоть горшком на-зо-ви-те... — напирал Григорьич, и усы его словно распушались от неравной борьбы со столетним деревом.

— И что, мы теперь не попадем туда, что ли? — спросила, капризно надув губы, Нина Васильевна. — Или соседей все-таки позвать?

Нежилой какое-то время двор за последний год быстро утонул в крапиве, зацветшие мхом крыши полуразваленных сараев зеленели моховыми грибами, от этого напознала тоска. Серое небо моросило мелким дождем, как бывает обычно в середине жаркого лета: суточный дождь, смена ветра, и уже пахнет осенью, и тревожно, что не вернется тепло. Вертолетчик больше не мог приезжать сюда на дачу. Лечил дочку, заболевшую туберкулезом. Сам-то с трудом решился на продажу дома, а дочка

так вообще ревела белугой в Сумах. В Антонове прошли ее детство и юность. Она тут каждое лето отдыхала.

Но еще только самое начало мая: погоды не было как таковой. Одно смешение ветра, дождей, мокрой молодой листвы и травы.

Пять лет назад, когда только пришел в семью Григорьич, Лиза старалась больше времени проводить вне дома или сидеть в комнате и читать, чтобы никого не раздражать.

В театральный она поступила с лету: были и талант, и красота. Но в девяносто седьмом году, когда пришел самый ее расцвет, кому-то из преподавателей понадобилась и ее честь. А с этим у Лизы было строго — она сама себя держала от разных глупостей.

Не случилось в ее жизни артистической карьеры... Увы. Теперь Лиза готовилась к тому, что будет искать другое призвание.

Лиза привыкла к старому обуховскому бабкиному дому (пусть бабка неродная и до смерти своей гундела на нее), прижилась там, а тут никого не знает. Здесь много молодежи, вся она шумная, резвая... Лиза привыкла к безопасности. Село, откуда Григорьич родом, совсем другое, ближе к границе с Украиной, где говорят по-дикому, где в Щедрец и в Василья* бабули приходят с варениками, каждый из которых полкило весом... Где угол мира.

Всего на двадцать пять километров ближе к цивилизации, и вот уже и народ не такой, и все не такое!

Когда они проезжали по набережной, ей подмигивали пацаны.

Лиза стояла во дворе, накрывшись капюшоном, и грустила. Что ее ждет тут? Там подруги. Там Иришка, с которой пять лет продружили... Гуляла вот у нее на свадьбе...

— Мам... а как я буду ездить к Иришке? Ведь до нее теперь километров двадцать пять, не меньше... На велике ты меня непустишь, — чувствуя щекотание в глазах, сказала Лиза.

— Ладно ныть. Надо будет — сами приедут. И вообще, эти ваши подруги... Кому они нужны, кроме тебя. Ты же понимаешь, что Иришка твоя — сильно мудрая девица. Ты же из Москвы, что ж с тобой не дружить!

— Теперь мне что, вечно оглядываться, если мы из Москвы? Москва, как будто это Америка какая-нибудь. Или Австралия.

— Для них — да! И Америка, и Австралия. Даже, я думаю, Иришка твоя и надеялась...

— Мам! — перебила Нину Васильевну Лиза. — Но Мясушко-то меня честно любит... И Васька говорил, что любит.

— И Мясушко! И Васька! Им просто скучно. Магнитофон Васька крал из хаты, как мы в Харьков ездили? Крал.

— Ну вернул же потом...

— Вернул! Конечно! Японские детали забрал, а насосал туда черт-те чего.

Лиза зарыла нос в черную шерстку Майка. Ну что же... Был такой случай. Но Ваське тогда было тринадцать... Потом его бабка стыдилась за проделки дурачка-внука, а он еще лез целоваться.

На новом месте предстояло много работы: побелить расцветающий сад, сделать грядки, посадить картошку, подправить сараюшку для кур. И иногда придется ездить в обуховский дом, потому что там-то картошка уже посажена, да еще как... Под плуг, с веселой соседской помощью, с красным борщом и посиделками... Ее тоже нужно будет копать. Много дел.

Успеть желательно до осени. Осенью Лиза должна ехать учиться. Куда — она пока сама не знала. После отчисления из театрального училища в творческий вуз больше не хотелось, но учиться было нужно, а в девятнадцать лет выбрать слишком долго нельзя.

Кот мурчал на руках, мяукал и выворачивал голову на все звуки. Все ему было ново. Округлив глаза, он вытягивал шею, снова подныривал под волосы хозяйки и пыхтел.

— Ничего, Майкуша, я тоже волнуюсь. Я тоже здесь впервые. Привыкнешь, найдешь себе жену, и не одну... Пойдут у нас тут мавры-Пушкины... И будут еще приходить соседи алименты с нас спрашивать... — успокаивала его Лиза.

Внезапно за воротами сильно зашуршало, стукнуло и несколько раз пыхнуло. Это соседская корова, возвращаясь домой,хватила травы под забором новых дачников, наедаясь напоследок. Раздался щелкающий звук, и кот, больно оцарапав Лизу, метнулся вверх, на столбик, поддерживающий вьющуюся плеть винограда, а оттуда на жестяную крышу веранды. Лиза, почесав оцарапанную шею, дернула тяжелые деревянные ворота. Они со скрипом отворились.

Бело-рыжая корова, приподняв голову, мыкнула почти ей в лицо. Лиза, скорее от неожиданности, прижалась к доскам ворот.

— Ты шо, шальнуха... мычишь... топай... топай... — услышала Лиза голос из палисадника.

Она повернула голову, и тут же ее оглушил щелчок. Корова, топнув двумя ногами, резко вывернула от ворот и помчалась на дорогу, подняв хвост.

— Шо, теперь и яблоч у вас не потыришь... Беда какая...

Из палисадника, где, усыпанные белыми цветами, росли две старые, раскоряченные от времени яблони,